

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/13

Влияние институциональных дискурсов на языковое самоопределение в условиях полиэтнического социума*

И.Г. Темникова¹, В.С. Диброва²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина 36

¹ E-mail: temnikova196@mail.ru

² E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Авторское резюме

Анализируется ситуация взаимодействия родного языка (татарского) и второго языка (русского) в языковом сознании татарско-русских билингвов, проживающих в Южной Сибири в условиях поликультурного социума с русским языком, выполняющим роль языка-макропосредника, по данным, собранным при помощи социолингвистического анкетирования. Для сбора данных использовалась социолингвистическая анкета, разработанная О.А. Казакевич, и языковая анкета билингва (разработчики Мариан, Блюменфельд и Каушанская), адаптированная сотрудниками Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Анкетирование проводилось на территории г. Томска и Томского района (деревни Эушта, Чёрная речка), Новосибирской области – в местах компактного проживания татарско-русских билингвов. Количество татарско-русских билингвов, опрошенных в ходе анкетирования, составляет 133 человека. Социолингвистическая информация, предоставленная респондентами, позволяет выделить три группы факторов, определяющих взаимодействие татарского и русского языков в разные периоды их жизни. Татарско-русские билингвы в большинстве своем считают родным (L1) татарский язык, несмотря на то что он превращается в эритажный язык с ограниченной сферой употребления. Русский язык занимает доминирующее положение в общественном и профессиональном общении, татарский становится языком межличностного общения членов семьи. Тем

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

не менее татарский язык, похоже, играет ключевую роль в определении билингвами своей национальной идентичности.

Ключевые слова: несбалансированный билингвизм, татарско-русские билингвы, взаимодействие языков, институциональный дискурс, язык внутрисемейного общения

The influence of institutional discourses on linguistic self-determination in a multiethnic society

I.G. Temnikova¹, V.S. Dibrova²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: temnikova196@mail.ru

² E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Abstract

The article analyses the interaction between the native language (Tatar) and the second language (Russian) in the linguistic consciousness of the Tatar-Russian bilingual, who lives in Southern Siberia in a multicultural society. The Russian language acts as a macro-intermediary language, being the official language of the country. The data was collected by means of a sociolinguistic questionnaire, designed by O.A. Kazakevich, and the Marian, Blumenfeld and Kaushanskaya bilingual language questionnaire adapted by the TSU Laboratory of Linguistic Anthropology. The survey was conducted in Tomsk and Tomsk Region (the villages of Eushta and Chernaya Rechka), and Novosibirsk Region – in the areas of compact residence of Tatar-Russian bilinguals. The number of the Tatar-Russian bilinguals interviewed during the survey is 133 people. The socio-linguistic information provided by the respondents makes it possible to distinguish between three groups of factors determining the Tatar and Russian interacting in various periods of their lives. The Tatar-Russian bilinguals adhere to the language they consider to be L1 (Tatar) notwithstanding the fact that it is turning to a heritage language with a restricted sphere of usage. With Russian taking the dominating position in social and professional communication, Tatar becomes the language of interpersonal communication between family members. Nevertheless, the Tatar language seems to play a pivotal role in determining the national identity by bilinguals.

Key words: unbalanced bilingualism, Tatar-Russian bilinguals, language interaction, institutional discourse, family language

Язык играет важную роль в формировании представлений человека о своей национальной идентичности, он является одним из главных факторов, её определяющих. В настоящее время нередко можно наблюдать, что люди находятся в состоянии некоторой неопределённости относительно своего национального статуса в связи с тем, что они являются носителями не одного, а двух или даже более языков, играющих важную роль в их жизни [5]. Задачей авторов является анализ данных, полученных в процессе проведения анкетирования татарско-русских билингвов, проживающих на территории Западной Сибири в городе Томске и населённых пунктах Томской и Новосибирской областей. Он проводился с целью изучения взаимодействия татарского языка, определяемого как родной, и русского языка, определяемого как второй и доминирующий, в языковом сознании билингвов и поиска корреляции между восприятием одного из языков как родного и определением национальной идентичности билингва. Отличительной чертой языковой ситуации является то, что билингвы в настоящее время находятся в условиях поликультурного социума, где русский язык выполняет роль языка-макропосредника, являясь государственным языком Российской Федерации и часто – в первую очередь языком институционального общения, а в какие-то периоды жизни билингва – исключительно таковым. Взаимодействие языков в сознании билингва проявляется как непосредственно на речевом уровне, так и на уровне определения национальной идентичности. В первом случае мы наблюдаем результаты влияния родного (татарского) языка на усвоенный позднее, но, как правило, становящийся доминирующим русский язык в виде отклонений от речевого стандарта в спонтанной устной речи билингвов на русском языке, которые, по нашему глубокому убеждению, носят интерферентный характер [8: 218; 10: 204; 11: 56]. Во втором случае в языковой ситуации билингвизма при попытке определения национальной идентичности индивида возможен даже конфликт между языками, которыми владеет билингв. При этом важно отметить, что характер использования или социальный статус языка могут оказывать влияние на самоопределение, отличное от степени «доминирования» языка. Под доминирующим языком авторы понимают язык, который используется «с максимальной функциональной нагрузкой в большинстве сфер общения, в отличие от других языков, входящих в ту или иную социально-коммуникативную систему в государственном или территориальном образовании... наиболее функционально развитый

язык» [6]. По определению, данному в Словаре социолингвистических терминов, доминирующий язык «преимущественно используется в социально значимых сферах (профессиональная деятельность, образование, общественная деятельность и др.). Д.я. чаще всего оказывается языком межнационального общения» [12].

В практике исследования билингвизма сбор данных об использовании языка и об истории языковых контактов билингва при помощи различного рода анкет является общепринятым методом получения материала для исследования. Такие анкеты, как правило, включают блоки вопросов, направленных на получение информации о степени сформированности языковых навыков в разных видах речевой деятельности, о периодах жизни билингва, во время которых происходили языковые контакты, о местах, где происходили языковые контакты и т. д. [2: 29–30]. В исследовании с татарско-русскими билингвами анкетирование проводилось с использованием социолингвистической анкеты, разработанной О.А. Казакевич [7: 222], которая широко используется исследователями для изучения социальных условий бытования языка, и языковой анкеты билингва (разработчики Мариан, Блюменфельд и Каушанская) [3: 966–967], адаптированной сотрудниками Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ, для определения порядка усвоения языков, частоты использования, факторов, влияющих на усвоение языков, и др. Социолингвистическая анкета включает в себя 41 вопрос с подробной детализацией информации о билингве: время и место рождения, проживания, обучения, профессиональной деятельности, сведений о родственниках по разным типам родства, о характере приобретения и использования языков. Также в данной анкете собиралось субъективное самооценивание уровня владения малым языком, разделенное по видам речевой деятельности – понимание, говорение, чтение и письмо. Языковая анкета включает в себя 14 блоков параметризации характера и типа владения билингвом взаимодействующими языками. Анкета состоит из двух частей: в первой находятся вопросы, касающиеся взаимодействия языков, вторая часть анкеты направлена на сбор информации об одном из языков билингва. Данные анкетирования позволяют определить факторы, оказывающие влияние на усвоение языков, динамику использования билингвами языков в разные периоды жизни, а также выделить группы факторов, которые её определяют.

Татарско-русские билингвы, проживающие в городе Томске и населённых пунктах Томской и Новосибирской областей, владеют татарским и русским языками. Всего было опрошено 133 татарско-русских билингва. Среди всех опрошенных 112 человек выделили татарский язык как первый (родной) язык, русский – 17 человек.

Средний возраст всех участников – 50 лет, среди них 41 человек – до 35 лет (младшая возрастная группа), 59 человек – от 35 до 65 лет (средняя возрастная группа), 32 человека – от 65 лет (старшая возрастная группа). У большинства респондентов (120 человек) как минимум один родитель этнически определялся как татарин/татарка. Если говорить о детях респондентов, то у трети опрошенных их нет, однако те, кто имеют детей, в большей степени определяют их как татарин/татарка – в трех из четырех случаев (67 детей – татарин/татарка, 17 – русский/русская, 6 – метис/метиска). Подавляющее большинство респондентов общаются в семье на татарском языке (120 из 133 человек) вне зависимости от возраста.

Анализ социолингвистических анкет, заполненных респондентами данной группы, позволяет сделать некоторые выводы о соотношении и взаимодействии русского и татарского языков в сознании билингвов и их оценке роли каждого языка в их жизни. Фиксация субъективной оценки уровня владения языками по основным видам речевой деятельности, порядка усвоения языков и активности их использования в разные периоды жизни билингвов позволяет сделать выводы о типе билингвизма, который можно определить, как несбалансированный. Определение билингва в рассматриваемой языковой ситуации представляется близким к определению носителей эритажных языков, согласно которому носитель эритажного языка является представителем так называемого раннего билингвизма, в раннем детстве находившимся под одновременным или последовательным воздействием двух языков (эритажного (L1) и «языка большинства», языка, который является основным в том сообществе, членом которого является билингв (L2)) и для которого L2 становится доминирующим (основным) в тот момент, когда начинается процесс активной социализации (как правило, это момент поступления в школу) [1: 134–136].

Татарский язык для большинства представителей группы татарско-русских билингвов является языком внутрисемейного общения, особенно следует отметить тенденцию использовать татарский язык в разговоре со старшими родственниками [9: 363–364]. Однако следует подчеркнуть, что использование татарского языка сильно варьируется в зависимости от возраста респондента. 83 % опрошенных (108 из 133 человек) предпочитают разговаривать на татарском с бабушками и дедушками, при этом стоит отметить явное доминирование татарского языка во всех возрастных категориях участников. 69 % опрошенных (86 из 133 человек) общаются на татарском с родителями, при этом использование татарского языка преобладает тем больше, чем старше респондент. Что касается общения с детьми, респонденты отмечают возрастающую роль русского языка: только

43 % (59 из 133 человек) участников указали, что разговаривают на татарском с детьми. Вместе с тем ситуация использования татарского языка неоднозначная: представители старшей возрастной группы (от 65 лет) предсказуемо используют татарский чаще, чем русский; билингвы средней возрастной группы (от 35 до 65 лет) предпочитают использовать русский язык; респонденты младшей возрастной группы (до 35 лет) используют данные языки в равной степени, что подчеркивает возросший интерес в сохранении языка и культуры и передаче их младшему поколению. Также следует отметить, что наблюдается тенденция – чем старше участник, тем чаще он выбирает татарский язык в качестве языка внутрисемейного уровня.

Русский язык является прежде всего языком институциональным; согласно данным, полученным при анкетировании, он занимает доминирующую позицию в языковой деятельности билингвов в период их участия в общественной жизни (учёба, работа). Эти выводы подтверждаются данными анкет: если в межличностном общении использование татарского и русского языков находится в соотношении примерно один к двум (61 человек (46 %) использует татарский, 111 человек (83 %) используют русский), то в качестве институционального языка русский выбирают 112 человек (83 %), в то время как татарский – только 18 человек (13 %).

Вопрос о том, что происходит с языком семейного общения, который занимает первую позицию в порядке усвоения и воспринимается ребенком как родной, когда ребенок проходит процедуру социализации (идёт в школу) и попадает в языковую ситуацию, где доминирующим является другой язык – язык социального общения, язык государственный, язык-макропосредник – неоднократно ставился исследователями при изучении разных билингвальных сообществ (обзор работ см. в [4: 22–23]).

Исследования показывают, что, если билингвизм сформировался как ранний последовательный, билингвы могут испытывать затруднение, определяя родной язык (L1) [4: 20–22]. Что касается татарско-русских билингвов, несмотря на то, что у многих из них билингвизм можно отнести к разряду раннего одновременного (*early simultaneous*) или раннего последовательного (*early sequential*) билингвизма (указывают татарский и русский как языки, на которых говорили в период 0–6 лет в 75 % случаев), татарский язык они определяют как родной в 84 % случаев.

Среди факторов, влияющих на развитие языков, можно выделить три группы. Первую группу составляют макросредовые социальные условия коммуницирования респондентов, к числу которых относится обучение в образовательных учреждениях разного уровня, взаимо-

действие с сотрудниками разнообразных социальных организаций и т. д. Вторую группу составляют микросредовые условия коммуницирования респондентов, к числу которых относится межличностное общение – внутрисемейное, общение с друзьями, соседями. Третью группу составляют личностные установки участников анкетирования – отношение к языку как показателю принадлежности к народу, говорящему на этом языке, оценивание потенциала языка как средства самореализации, организация персональной языковой деятельности (чтение, пение, проведение обрядов и т. д.).

Приведём некоторые данные для лучшего понимания ситуации. На татарском языке до школы разговаривало 106 человек, в то время как на русском – только 56 человек. Здесь наблюдается значительный перевес в сторону родного языка, так как основным языком общения в семье (по предыдущим данным) для большинства являлся именно татарский. При этом следует отметить, что участники младшей возрастной группы (до 35 лет) использовали татарский и русский примерно в равной степени (13 использовали только русский, 14 человек – только татарский, 13 человек – русский и татарский языки), в то время как люди старше 35 лет в до школы предпочитали использовать татарский (80 человек использовали татарский и только 32 человека разговаривали на русском языке).

В момент, когда респондент выходит из семейного круга и начинает процесс социализации, использование русского языка в общении резко повышается – в начальной школе на татарском общались 43 человека, в то время как на русском уже 100. Чем старше становится респондент, тем больше русский язык вытесняет татарский – на татарском в средней школе общаются уже 34 человека, а на русском – 108. Что касается возрастных групп респондентов, в отличие от использования языка до школы, здесь ситуация сглаживается – и младшая, и старшая возрастные группы используют русский в общении гораздо более активно, нежели татарский.

Следует отметить не только факторы, связанные с общением респондентов в различных условиях и с различными людьми. Русский язык также очень сильно влияет на выбор языка для чтения: всего 18 человек предпочитают читать на татарском, 74 человека – на русском, что показательно, учитывая достаточно обширный литературный фонд на татарском языке. Однако в случае другой персональной деятельности ситуация склоняется в пользу использования татарского: из 81 человека, которые указали, что проводят обряды, 71 предпочитает проводить их на татарском; 124 из 133 участников знают татарские песни, 83 человека могут спеть одну или несколько; из 109 человек, которым в детстве рассказывали сказки, 75 слушали их на татарском,

а 50 знают как минимум одну сказку на татарском и могут её/их рассказать. Кроме того, участникам также необходимо было отметить влияние татарского языка на различные виды коммуникативной деятельности в настоящее время по 10-балльной шкале. Согласно данным анкетирования, влияние языка на просмотр телепрограмм, прослушивание музыки и чтение – в среднем 5 из 10 баллов, это достаточно высокая цифра, учитывая доминирование русского языка.

В целом можно констатировать, что сферами использования родного (татарского) языка являются общение в семье и ближайшем окружении (в детстве до школы, с родственниками, знакомыми, соседями) и персональная языковая деятельность (чтение, пение, проведение обрядов).

Коммуникативные ситуации, требующие использования второго (русского) языка, формируются средой институционального общения, составляющего значительную часть социального взаимодействия респондентов начиная со времени поступления в школу, что отражается в динамике использования языков в разные периоды жизни респондентов (рис. 1).

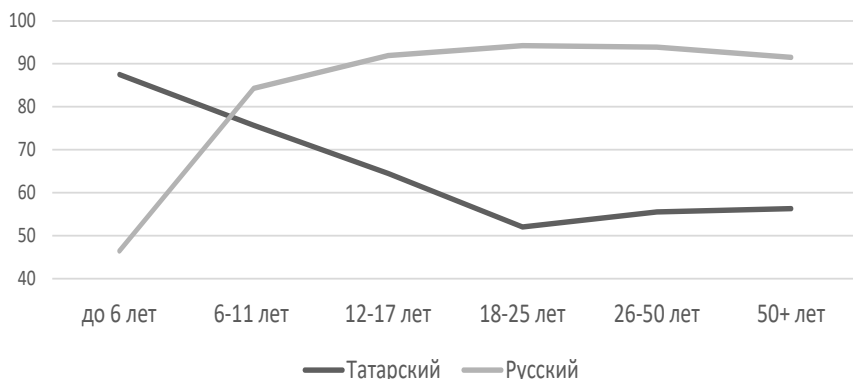

Рис. 1. Динамика использования языков в различные периоды жизни, % от числа людей.

Родной (татарский) язык, занимающий доминирующее положение у подавляющего большинства респондентов в возрастной период 0–6 лет (75 % от числа опрошенных), демонстрирует резкое снижение и уступает доминирующую позицию второму (русскому) языку в период начала процесса социализации и выхода за границу внутрисемейного круга общения (49 % – 6–11 лет, 43 % – 12–17 лет, 35 % – 18–25

лет). При этом в различных возрастных группах ситуация практически идентичная. Однако можно наблюдать тенденцию увеличения использования родного языка в более старшем возрасте (37 % – 25–50 лет, 44 % – от 50 лет). Это может быть связано с внутренней потребностью билингов изучать или улучшать навыки татарского в большей части по причинам этнокультурного характера – боязнь потерять свои корни, культуру, желание передать культуру младшему поколению. Данные коррелируют с вышеприведёнными результатами выбора языка для общения со старшими родственниками – чем старше поколение, тем больше татарского и меньше русского языка используется во внутрисемейном общении.

Изменение порядка доминирования языков не оказывает значительного влияния на определение статуса татарского языка как родного – большинство респондентов (84 % – 112 человек из 133) указывают в качестве родного языка татарский, 13 % (17 человек из 133) опрошенных – русский язык.

В целом можно видеть, что влияние институционального дискурса в случае с татарско-русскими билингвами, проживающими в Южной Сибири, в значительной степени повлияло на изменение соотношения первый (родной) – второй язык (L1 – L2) в том плане, что русский язык, который является вторым по порядку усвоения и часто не осознаётся как родной, по активности использования занимает первое место и в подавляющем большинстве случаев субъективная оценка владения русским языком гораздо выше, чем татарским. Татарский язык, который чаще всего является первым в порядке усвоения, хотя и не является доминирующим, не используется в ситуациях повседневного общения, тем не менее, является основным фактором влияния при национальном самоопределении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. Heritage languages and their speakers: Opportunities and challenges for linguistics // *Theoretical Linguistics*. 2013. № 39. P. 129–181. DOI: 10.1515/tl-2013-0009
2. Kaščelan D., Prévost P., Serratrice L. et al. A review of questionnaires quantifying bilingual experience in children: Do they document the same constructs? // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2022. № 25. P. 29–41. DOI: 10.1017/S1366728921000390
3. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // *Speech Language and Hearing Research*. 2007. № 50 (4). P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (дата обращения: 29.09.2022).
4. Ortega L. The Study of Heritage Language Development From a Bilingual-

ism and Social Justice Perspective // *Language Learning*. 2020. № 70 (S1). P. 15–53. DOI: 10.1111/lang.12347

5. Wei R., Reynolds B.L., Kong M. et al. Is bilingualism linked to national identity? Evidence from a big data survey // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2022. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01434632.2022.2085282> (дата обращения: 09.10.2022). DOI: 10.1080/01434632.2022.2085282

6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 02.10.2022).

7. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2006. № 3 (44). С. 221–231.

8. Нагель О.В., Темникова И.Г. Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов // *Русин*. 2019. № 56. С. 213–225. DOI: 10.17223/18572685/56/13

9. Новожилов А.Г. Сохранение языков коренных малочисленных народов в условиях глобализации (опыт Северо-Запада России) // *Русин*. 2022. № 67. С. 361–374. DOI: 10.17223/18572685/67/20

10. Резанова З.И., Дыбо А.В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные. науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195–211. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.035

11. Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7

12. Словарь социолингвистических терминов / гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Российская академия наук; Институт языкознания; Российская академия лингвистических наук, 2006. URL: <https://rus-soc-lingvo-terms.slovaronline.com/> (дата обращения: 02.10.2022).

REFERENCES

1. Benmamoun, E., Montrul, S. & Polinsky, M. (2013) Heritage languages and their speakers: Opportunities and challenges for linguistics. *Theoretical Linguistics*. 39. pp. 129–181. DOI: 10.1515/tl-2013-0009

2. Kaščelan, D., Prévost, P., Serratrice, L. et al. (2022). A review of questionnaires quantifying bilingual experience in children: Do they document the same constructs? *Bilingualism: Language and Cognition*. 25. pp. 29–41. DOI: 10.1017/S1366728921000390

3. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. [Online] Available from: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (Accessed: 29th September 2022).

4. Ortega, L. (2020) The Study of Heritage Language Development From a Bilingualism and Social Justice Perspective. *Language Learning*. 70(S1). pp. 15–53. DOI: 10.1111/lang.12347

5. Wei, R., Reynolds, B.L., Kong, M. et al. (2022) Is bilingualism linked to national identity? Evidence from a big data survey. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01434632.2022.2085282> (Accessed: 9th October 2022). DOI: 10.1080/01434632.2022.2085282

6. Zhrebilo, T.V. (n.d.) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms] [Online] Available from: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/> (Accessed: 2nd October 2022).

7. Kazakevich, O.A. (2006) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Documentation of the endangered languages of Siberia (on the material of two villages of the Krasnoyarsk Territory)]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3(44). pp. 221–231. [Online] Available from: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/rubiblioteka/dokumentaciya-ischezayushchih-yazykov-sibiri-na-materiale-dvuh-poselkov-krasnoyarskogo> (Accessed: 16th April 2017).

8. Nagel, O.V. & Temnikova, I.G. (2019) The Tatar Language Transfer in the Speech of Tatar-Russian Bilinguals. *Rusin*. 56. pp. 213–225 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/13

9. Novozhilov, A.G. (2022) Preserving the languages of indigenous minorities under globalization (a case study of the Russian North-West). *Rusin*. 67. pp. 361–374 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/67/20

10. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2019) Language interaction in Shor-Russian bilinguals' speech in Southern Siberia. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2(187). pp. 195–211 (in Russian). DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.035

11. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/7

12. Mikhilchenko, V.Yu. (ed.) (2006) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow: RAS. [Online] Available from: <https://rus-soc-lingvo-terms.slovaronline.com/> (Accessed: 2nd October 2022.).)

Темникова Ирина Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Irina G. Temnikova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: temnikova196@mail.ru

Диброва Вероника Сергеевна – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета, младший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Veronika S. Dibrova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: klobukova-veronika@list.ru